

Пусть всегда будет жизнь!

(печатается в сокращении)

Эти три истории представляют собой своеобразный триптих, тема которого Вторая мировая война, а главные персонажи - дети: русская девочка Галя, моя мама, итальянский мальчик Романо и немецкий мальчик Хорст.

Маленькие свидетели большого человеческого горя, участники страшного пути на выживание, длиною в четыре года. Их жизнь началась с войны и от ее исхода зависело, будет ли она вообще продолжаться...

В наши дни, в преддверии празднования Дня Победы, повсюду проводятся конкурсы «Дети рисуют войну». Родители родителей сегодняшних детей в свое время на улице играли «в войну». Порой, дело доходило до драки, тянули жребий: никто не хотел быть «фашистом»... Здесь же прозвучат воспоминания людей, которые можно объединить одним общим заголовком: «Дети рассказывают о войне».

Как хорошо, что наши дети сегодня ее только рисуют...

Светлана Петрова

Обратный адрес - Ленинград

ГАЛИНА ПЕТРОВА
(РОССИЯ)

Помню начало войны. Был теплый июньский день: растерянные, испуганные лица людей. Нарушены все планы. Нас, ленинградских детей, на лето вывозят под Тихвин, недалеко от города, но почти сразу привозят обратно, так как совсем близко начинаются бои за Ленинград. И уже 8 сентября 1941 г. наш город был полностью окружен. Кольцо блокады сомкнулось.

По ночам были видны то тут, то там сигнальные ракеты: это либо немецкие шпионы, либо предатели указывали немцам объекты для очередной бомбежки. Таким вот образом были сразу уничтожены городские склады продовольствия. Потом голодные люди приходили на место пожарища собирать землю, перемешанную с сахаром, мукой. Дома все это перебиралось, процеживалось, промывалось.

Зимой началось самое страшное: небывалый мороз, голод, нет отопления, нет электричества, нет воды. Был введен комендантский час. С темнотой город замирал. Изголодавшие, обессиленные люди шли на улицу за водой и тут же падали и умирали...

Ввели хлебные карточки. Детям и иждивенцам выдавали по 125 граммов в день, рабочим - 250 граммов. Помню в хлебном магазине человека с палкой, на конце которой был вбит гвоздь. Увидев

на весах кусочек драгоценного хлеба, он поддел его этим гвоздем и стал жадно есть. У него пытались отнять силой, били, а человек ел чужой хлеб и совсем не чувствовал боли...

По городу начала свирепствовать цинга - болезнь, вызванная недостатком витаминов. Сначала стали опухать десна, а потом у всех у нас выпали зубы. У мамы, плюс ко всему, в результате болезни открылись раны на обеих ногах. Передвигалась она с трудом и часто не спускалась в бомбоубежище. Кстати, очень многие оставались в квартирах во время бомбежек. Не было сил, не было страха. А моя мама в 31 год стала инвалидом и до конца своих дней эти раны так и не затянулись...

В нашем доме на первом этаже была аптека. Люди умирали, не доходя до нее, прямо на лестнице, а мы так и шагали через мертвые тела. Однажды я заснула сидя за столом, а проснувшись от боли: меня за палец укусила огромная крыса. Эти твари неимоверных размеров, ничего и никого не боясь, бегали повсюду. Но нам, ленинградским детям, не было страшно, весь страх куда-то ушел. Было просто интересно: залезть на чердак и обнаружить неразорвавшиеся бомбы, или сбегать в конце улицы и посмотреть на рухнувший дом... Страх пришел потом, когда мы стали все осознавать. Когда стали умирать близкие и родные. Когда в квартире из 15 человек осталось только трое...

Светлана и Галина Петровы

Семья Хорста Освальда

Хорст Освальд

У нас появился постоялец - молодой русский офицер. Днем его не было, а по вечерам он приносил на кухню паек: хлеб, колбасу, яйца, иногда масло. Нас, детей, гладил по голове и приглашал к себе в комнату. Там почти всегда ждало нас что-то особенное: яблоки, конфеты или печенье. Он садился за стол, брал листок бумаги, карандаш и начинал рисовать. При этом все время что-то говорил, рассказывал...

Он рисовал природу и дома. Дома выглядели старыми, с веселыми круглыми окнами. Я не могу сейчас сказать, на каком языке он говорил, но мы слушали внимательно и я понимал его. Он рассказывал о своей матери, жене и своем сыне, которому было столько же лет, сколько и мне; говорил, что скоро вернется домой, так как страшная война наконец-то закончилась и «Гитлер капут». Он сажал меня на колени и пел русские песни: одни были печальные, другие - веселые, но все они были очень красивые.

Такие вечера, проходившие обычно при свете свечей, заканчивались тем, что мой младший брат засыпал и его приходилось относить на руках в постель. И я, ложась в кровать, также быстро засыпал спокойным мирным сном.

Внушенный страх перед русскими исчез для меня бесследно. На улице я приветствовал всех «здрассте» и «привет»; солдаты весело смеялись, брали за руку и вели к полевой кухне, где угощали горячим густым супом...

Мои воспоминания о конце Второй мировой войны. Дрезден, 1945

ХОРСТ ОСВАЛЬД
(ГЕРМАНИЯ)

Мне, Хорсту Освальду, родившемуся 3 января 1937 г., в 1945-м было 8 лет. Я уже был достаточно взрослым чтобы сознательно пережить последние месяцы войны...

Ночные бомбардировки начинались с того, что мы, крепко спавшие, просыпались от ужасного воя сирен, хватали приготовленные с вечера вещи и мчались в подвал. Мы жили на первом этаже, поэтому всегда оказывались первыми на

ставших уже «нашими» постоянных местах в бомбоубежище. Моя мать, наученная горьким опытом частых бомбежек, раздавала на хранение узелки с нашими вещами по домам знакомых и родственников. Таким образом, в уцелевших после очередной бомбежки квартирах хоть что-то оставалось из распределенного имущества у кого-то из них.

...Однажды утром, проснувшись, мы обнаружили, что русские уже пришли! В нашем квартале стояли грузовики с пехотинцами и полевая кухня.

Я видел, как бомбили Милан...

РОМАНО ЧЕЛАНО
(ИТАЛИЯ)

В последний год Второй мировой войны мне было семь лет. Многие воспоминания об этом времени встают перед моими глазами как живые. Что-то я услышал от своего отца, Джузеппе Челано, который участвовал не только во Второй мировой войне, но и в Первой, и от своих старших братьев, Винченцо, мы его звали Энцо, и Антонио, для нас - Нэнэ. Все трое ушли на фронт с самого начала войны, и всем троим удалось остаться в живых, хотя их судьбы сложились по-разному...

Как переживали военные годы жители моего поселка? Спасались тем, что могли собрать в лесу: грибами и каштанами. Кроме того, почти у всех жителей поселка были участки земли, где они выращивали все, что могли. Наша се-

мья тоже кормилась с огорода. Я помню, как отец варил кофе из довоенных остатков соевой муки, а вместо сахара добавлял немного соли, которой тоже не было. Он умудрялся добывать ее, соскребая с сухой соленой рыбы, а затем кипятил соль в воде и высушивал ее до полной готовности. На завтрак я привык пить молоко с солью. Отец говорил, что так вкуснее, потому что молоко тогда похоже на козье, и мне это даже нравилось.

Муку семьям выдавали по талонам. Ее не хватало, и жители по ночам, в комендантский час, рискуя, тайно пробирались на мельницу чтобы смолоть немного зерна. Если немецкий патруль их останавливал и находил муку, в наказание мешок распарывали штыками и все содержимое выбрасывали на дорогу.

Я хорошо помню, как в последний год войны во время воздушных налетов мы уходили из посел-

ка, и я видел, как бомбили Милан. Мне, мальчику, тогда казалось, что это как праздничный салют, но на самом деле было не до праздников.

Чтобы защититься от партизанских диверсий, немцы начали отправлять жителей, в том числе и моего отца, на так называемые ночные дежурства и заставляли каждую ночь охранять линии электропередачи.

Что касается меня лично, я помню, как мне пришлось стать свидетелем казни. На нашем кладбище появился немецкий отряд с техникой противозвушной обороны, и немецкие солдаты разрешали мальчишкам посидеть на пушке и даже повертеть ею. И вот однажды я оказался там, когда немцы расстреливали трех юношей в ответ на убийство партизанами немецкого солдата. Я никогда не смогу забыть об этом. Часть кладбищенской стены, где видны следы выстрелов, существует до сих пор как мемориал в память о расстрелянных партизанах...